
«Школьная смута» 1905 г. как феномен революции

Нисон Ватник

«School disturbances» in 1905 as a revolutionary phenomenon

Nison Vatnik (State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia)

Полагаю, участники «круглого стола» согласятся, что высказанные в ходе дискуссии суждения по поводу поступков отдельных лиц и поведения социальных слоёв относятся исключительно к «миру взрослых». За пределами научного анализа остаётся «Россия юных», т.е. возрастная страта, за которой было будущее страны – студенты, учащиеся средних школ, молодые рабочие и крестьяне. Между тем молодёжь 1905–1907 гг., спустя 10–15 лет уже вышла на авансцену в политике, экономике и культуре, и полученный ею в ходе Первой русской революции опыт общественной и политической жизни серьёзно повлиял на события, происходившие в 1917 г. и во время Гражданской войны.

В 1905–1907 гг. по средним школам России прокатилась волна ученических выступлений. Столь неординарное явление современники называли «школьной смутой», «среднешкольным движением», близким студенческому¹. Причины этого общественного феномена² коренились в накопившихся к началу XX в. проблемах среднего образования – закрытости школ, сословных и конфессиональных препятствиях для поступающих, устаревших учебных программах, избыточности дисциплинарного контроля. Латентный период будущих школьных конфликтов пришёлся на предреволюционное десятилетие³, но признаки социального значимого «движения» появились в 1905 г. под влиянием массовых студенческих и рабочих забастовок, пропагандистских усилий нелегальных политических партий, оппозиционности семей учащихся. Тогда неожиданно для властей ученическое движение получило весьма внушительные масштабы. Оно проявилось, во-первых, в массовых акциях, зачастую выходивших за стены учебных заведений и получавших благодаря прессе широкую известность; во-вторых, в открытом неповиновении учащихся, предъявлении ими требований педагогам, совершении актов «школьного террора» и вандализма; в-третьих, в распространении среди учеников несанкционированных форм самоорганизации – кружков, комитетов, советов старост, союзов и др.

Трагические события в Петербурге 9 января 1905 г. подтолкнули к выступлениям в первую очередь учеников профессиональных школ. С конца января

© 2016 г. Н.С. Ватник

¹ См. Динзе В. Очерки по истории среднешкольного движения. СПб., 1909; Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение. СПб., 1909.

² Наряду с Россией, в истории европейского образования начала XX в. известны только ученические забастовки (бойкоты) 1901–1902 и 1906–1907 гг. в населённых поляками провинциях Пруссии; правда, там учащиеся протестовали против перевода уроков религии на немецкий язык как части проводимой имперскими властями политики германизации школьного образования (подробнее см.: Balzer B. Die preußische Polenpolitik 1894–1908 und die Haltung der deutschen konservativen und liberalen Parteien. (Unter Berücksichtigung der Provinz Posen) // Europ. Hochschulschr. Reihe 3: Geschichte und Hilfswissensch. Bd. 434. Frankfurt a/M, 1990. S. 233, 172–180).

³ См.: Ушаков А.В., Образцова О.А. Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX – XX вв. М., 1999.

по март сходки с принятием петиций прошли в горецком (Могилёвская губ.), брянском, костромском, московских (Промышленном и Комиссаровском) училищах, Московской земледельческой школе, Московском учительском институте, Новинской и Новоторжской учительских семинариях и др. Содержащиеся в документах требования носили корпоративный характер: 1) беспроцентный приём всех лиц без различия вероисповедования; 2) поступление выпускников в любые высшие учебные заведения; 3) неприкосновенность личности учащихся; 4) необязательность изучения Закона Божия и исполнения религиозных обрядов; 5) доступ учащихся в любые общественные места, свободное чтение любых книг, разрешение деятельности ученических кружков, свобода выбора квартир и выхода из пансиона, учреждение ученического суда, необязательность ношения формы, создание кассы взаимопомощи, улучшение быта; 6) удаление из школ некоторых педагогов; 7) улучшение преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин; 8) уменьшение платы за обучение и запрещение увольнения учащихся по бедности.

На сходке в Московском учительском институте была принята резолюция протеста против грубого произвола правительства, учащиеся Московской земледельческой школы и Костромского технического училища подчеркнули, что последние общественные и политические события не позволяют им «оставаться в рамках... ученической жизни» и быть «равнодушными зрителями совершающихся вокруг событий». В ряде резолюций подчёркивалась неразрывная связь школьного режима с существовавшим государственным строем и указывалось: «До тех пор школа не избавится от чуждой ей полицейской опеки, пока не избавится от нее всё современное русское общество». Забастовки и срывы учебных занятий произошли также во многих гимназиях и реальных училищах⁴. Петиции реалистов и гимназистов включали требования: отмены полицейского надзора над учащимися и обысков, неприкосновенности корреспонденции; права появления на улицах во всякое время, посещения общественных собраний, публичных лекций и общественных библиотек; права чтения дозволенных цензурой книг и газет, устройства кружков, выбора квартир; свободного объяснения с начальством, вежливого обращения с учениками, отмены мелких придинок к костюму и внешности учащихся, обязательного посещения богослужения и утренней молитвы; права сходок, установления товарищеского суда над поступками учащихся; права родителей участвовать в педагогических советах.

Недовольство, охватившее светские средние школы, проникло и в духовные учебные заведения. Бунты, сопровождавшиеся разгромом учебных помещений и квартир педагогов, прошли в Ардонской (под Владикавказом), Витебской, Екатеринославской, Казанской, Минской, Саратовской, Тамбовской духовных семинариях. 21 февраля прекратились занятия в Ярославской семинарии. Собравшись на сходку, семинаристы не только выработали петицию академического характера, но и приняли резолюцию протеста «против насильственных мер полиции в некоторых местах империи»⁵.

⁴ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905, д. 3, ч. 122, л. 4; ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4474, л. 43–44 об.; д. 4491, л. 6–8; д. 4503, л. 2–4, 7–8; д. 4525, л. 4–6; д. 4673, л. 5, 15, 41.

⁵ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 83–84; Павленко Т.А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. 77. М., 2008. С. 139–141; ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905, д. 3, ч. 122, л. 3.

Обеспокоенное правительство образовало под председательством министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова совещание «по вопросу о мерах для восстановления нормального течения жизни в средних учебных заведениях всех ведомств». Совещание приняло решение о возобновлении занятий с 1–7 марта и увольнении не явившихся к этому сроку учеников. Это решение легло в основу циркуляра министра просвещения от 23 февраля 1905 г. В дополнениях к циркуляру рекомендовалось привлекать родителей для «воспитания юношества», а «преподавателям, в особенности нервным», отдавать предпочтение «мягким педагогическим приёмам, не вызывая озлобления детей»⁶.

Угроза исключения участников беспорядков привела к некоторому успокоению в школах, но вплоть до конца учебного года конфликты иногда возникали вновь. В это время прошло несколько нелегальных корпоративных съездов: в Москве – учащихся земледельческих училищ (апрель), во Владимире – общесеминарского (16–19 июня)⁷. Источники сохранились только о съезде семинаристов. Он собрал представителей 9 семинарий, принявших резолюцию о необходимости коренной реформы духовной школы. Съезд предложил воздержаться от бунтов и объявить всеобщую забастовку только при отказе церковных властей удовлетворить требования семинаристов. Эти решения, лишённые какой-либо политической окраски, показывают, что в тот момент корпоративные интересы в целом оставались в движении семинаристов ведущими.

Отношения между педагогами и учениками в результате волнений первой половины 1905 г. крайне обострились. Один из преподавателей ярославской гимназии даже заявил, что «нам, как в Порт-Артуре, следовало бы считать месяц за год службы»⁸.

Однако апофеоз «школьной смуты» пришёлся на период пика революции в сентябре–декабре 1905 г. С 9 по 17 октября волнения в разной форме охватили большинство светских и духовных средних учебных заведений как Европейской России, так и окраин империи. Всероссийскую политическую стачку поддерживали учащиеся духовных школ. В этой ситуации Синод предпочёл временно закрыть 18 семинарий и распустить воспитанников⁹.

Министерство просвещения металось между применением крайних репрессивных мер и уступками. Телеграмма министра В.В. Глазова от 15 октября попечителям учебных округов была категорична: «Необходимо иметь в виду, что старших учеников, действующих сознательно, надо карать, остальных взыскивать, ничего не пропускать»¹⁰. Позиция министерства смягчилась по настоянию нового министра гр. И.И. Толстого. Педагогические советы получили разрешение отступать от ряда действовавших правил и циркуляров: допускалось образование родительских комитетов, присутствие представителей общественных учреждений на заседаниях педагогических советов, признавалось необязательным ношение учениками формы вне классов¹¹.

⁶ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4474, л. 3, 6–6 об.

⁷ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905, д. 3, ч. 1, л. 13, 24; д. 3, ч. 78, л. 11–14, 17–18 об.; ф. 102, ОО, 1905, II отд., д. 1000, ч. 10, л. 21 об.–25; *Титлинов Б.В.* Молодёжь и революция. Из истории революционного движения учащейся молодёжи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905. Л., 1925. С. 92.

⁸ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4525, л. 34.

⁹ РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 64, ч. 1, л. 64–65, 237.

¹⁰ Там же, ф. 733, оп. 166, д. 794, л. 200.

¹¹ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 143, л. 1, 6–7, 11; *Казакова С.В.* Вопросы народного образования в Особых журналах Совета Министров 1905–1906 гг. // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма. М., 1980. С. 276–282.

С прекращением Всероссийской политической стачки и изданием Манифеста 17 октября в значительной части учебных заведений возобновились занятия. Но открытие школ не означало прекращения ученических волнений. Напротив, молодёжь ещё решительнее требовала изменения школьного режима и отказывалась подчиняться начальству; началось формирование ученических комитетов и советов, вплоть до общегородских. В профессиональных школах учащиеся явочным порядком вводили свои постановления. В коммерческих училищах Москвы, Набилковском и Императорском, учащиеся потребовали и добились отмены наказаний и обязательного посещения церкви, права ученических сходов и др.¹² Воспитанники Промышленного училища настояли на проведении собраний «для обсуждения своих нужд», самовольно организовали чтение политических рефератов, в том числе «Программы социал-демократической партии». Об активной позиции учащихся говорит их постановление «допускать посторонних лиц для чтения рефератов» и проводить решения в исполнение «политикой захвата». Интересно отметить, что педсовет училища был вынужден своими резолюциями закреплять уже фактически введенные учениками правила: на заседании 1 декабря он разрешил функционирование организации учащихся и проведение сходов и собраний.

Начавшаяся 7 декабря 1905 г. политическая стачка на предприятиях Москвы послужила сигналом к прекращению занятий в средних школах города. В день объявления стачки «Центральный орган средних учебных заведений г. Москвы» выпустил листовку с призывом к учащимся объявить забастовку. «Мы шлём нашим братьям, борцам за свободу, — говорилось в прокламации, — свой искренний и горячий привет, обязуясь в то же время содействовать им всеми доступными для нас средствами»¹³. 7–8 декабря представители ученических комитетов заявляли администрации ряда школ о солидарности с решением московского Совета. Учащиеся 3-й гимназии объявили на сходке, «что они присоединяются к политической забастовке и шлют привет народу, выступившему на борьбу с правительством». В гимназии распространялась большевистская газета «Борьба» с воззванием «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам!». Ученики старших классов 4-й гимназии после сходки 7 декабря отказались продолжать учёбу, и хотя среди гимназистов нашлись штрейкбрехеры, директор прекратил уроки из опасения их насильственной остановки самими учащимися¹⁴. По пути приостановки занятий и роспуска учащихся на досрочные рождественские каникулы пошла администрация тех столичных и провинциальных школ, где учебный процесс был фактически прекращён или существовала угроза жизни и здоровью воспитанников из-за беспорядков и военных действий на городских улицах.

События 1905 г. значительно повлияли на мировосприятие и социальные приоритеты учащегося юношества. Современники (а позднее и мемуаристы) отмечали в поведении молодёжи новые черты — чувство собственного достоинства, нетерпимость к мелочной регламентации, придиркам и оскорблениям, интерес к общественной жизни, стремление к изучению гуманитарных наук. По воспоминаниям педагога-краеведа А.Ф. Родина, воспитанника Набилковского коммерческого училища, в момент успехов борьбы за школьные свободы его со-

¹² Родин А.Ф. Из минувшего (Воспоминания педагога-краеведа). М., 1965. С. 23; ЦГА Москвы, ф. 130, оп. 2, д. 66, л. 26–27; ф. 459, оп. 5, д. 1845, л. 303–306.

¹³ ГА РФ, ф. 1741, оп. 1, д. 21066.

¹⁴ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4475, л. 22–22 об., 35 об.–36, 62–62 об., 88, 93; д. 4662, л. 29, 35 об.; д. 4483, л. 17; и др.

ученики испытывали большое удовлетворение и гордость (правда, в январе следующего года эти «вольности» были отменены)¹⁵. Из мемуаров И.Г. Эренбурга следует, что его детство закончилось в «пятом году». На этот год в его жизни пришлось многое — знакомство со старшеклассниками-радикалами (в том числе с Н.И. Бухариным), изучение исторического материализма, посещение народных митингов в Московском университете и защита этой «крепости» от нападения казаков, участие в похоронах Н.Э. Баумана и строительстве баррикады возле Кудринской площади. Судьбу юноши определил 1906 г., когда уроки и отметки утратили былое значение. Он усиленно штудировал программы эсдеков и эсеров и искал связи с подпольем (хотя «гимназисты утомонились, вернулись к учебникам»), а затем «вошёл в большевистскую организацию и вскоре распрощался с гимназией»¹⁶.

По словам Б.Л. Пастернака, «мальчикам близкого мне возраста было по тринадцать лет в девятьсот пятом году», и «критическая пора совпала с красными числами родной истории. Их детская возмужалость и их призывное совершеннолетие сразу пошли на скрепы переходной эпохи. Наше время по всей толще прожито их нервами». Поэт упоминал и «свою грошовую революционность, дальше бравированья перед казакой нагайкой и удара ею по спинке ватной шинели не пошедшую»¹⁷. А о настроениях воспитанников его Московской 5-й гимназии говорят следующие строки: «Те, что в партии, // Смотрят орлами. // Это в старших. // А мы: // Безнаказанно греку дерзим. // Ставим парты к стене, // На уроках играем в парламент // И витаем в мечтах // В нелегальном районе Грузин»¹⁸.

В жизни М.С. Шагинян 1905 год также стал рубежным. Её конфликт с начальницей московской гимназии Ржевской едва не окончился трагически — Шагинян неудачно попыталась совершить самоубийство. А когда слухи о происшествии достигли Московского комитета учащихся, то делегация реального училища И. Фидлера, явившись в гимназию, потребовала прекратить травлю «гимназистки седьмого класса, будущей учительницы», ибо она «не рабыня..., она — гражданин»¹⁹.

В течение 1906 г. властям удалось восстановить спокойствие в средних школах. Новый министр народного просвещения П.М. фон Кауфман категорически запретил любые органы ученического самоуправления (союзы, советы старост и др.), а факт сходок учащихся рассматривал как попустительство педсоветов, «караемое законом бездействие власти»²⁰. 23 сентября 1906 г. Николай II отменил необязательность ношения школьной формы. Министерство народного просвещения и Св. Синод решительно освобождали подведомственные им учебные заведения от «неблагонадёжных» элементов как среди учителей, так и среди учащихся. Средством искоренения «крамолы» стали также переводные и выпускные экзамены 1906 г. В условиях перерывов учебных занятий введение экзаменов в полном объёме и увольнение за отказ от их сдачи имело цель не столько проверить знания учащихся, сколько отсеять беспокойные элементы²¹.

Но «школьная смута» всё же заставила учебное начальство пойти на корректировку школьной политики. В 1906–1907 гг. были внесены некоторые изменения

¹⁵ Родин А.Ф. Указ. соч. С. 23–24.

¹⁶ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 64, 66–68, 568.

¹⁷ Пастернак Б.Л. Люди и положения // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 296–345; *он же*. Охранная грамота // Там же. С. 149–239.

¹⁸ Пастернак Б.Л. Девятьсот пятый год // Там же. Т. 1. М., 1988. С. 289.

¹⁹ Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 192–198.

²⁰ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 6082, л. 3.

²¹ См.: Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы: гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года. М., 1956. С. 106; РГИА, ф. 802, оп. 16, д. 164, л. 2 об.

в учебные планы²². На уступки пошёл и Синод: с определёнными оговорками допускалось поступление семинаристов в университеты, послабления произошли в воспитательном режиме семинарий (разрешалось говеть вне семинарии, устраивать литературные чтения и др.), перемены здесь затронули и учебные планы²³.

Прекращение «смуты» объясняется не только репрессиями властей. Серьёзно повлияли на снижение масштабов студенческого и рабочего движения также изменения в настроении средних городских слоёв, из которых происходили юные «бунтари»²⁴. Существенное значение имела и специфика социального поведения самой учащейся молодёжи. Наряду со способностью откликаться на общественные события, она продемонстрировала специфические, обусловленные возрастом и недостатком жизненного опыта, качества: неспособность к напряжённой длительной борьбе, склонность к радикализму и эффектным, часто асоциальным акциям, импульсивность и быстрый отказ от активных действий в случае неудачи. Неудивительно, что первые послереволюционные годы характеризовались тревожными и невиданными ранее в молодёжной среде явлениями: утратой жизненной перспективы, увлечением мистицизмом и идеями «свободной любви», грубостью в общении, пренебрежением к авторитету взрослых – учителей и родителей, распространением суицидальных настроений²⁵.

²² См.: Константинов Н.А. Указ. соч. С. 100–102; Кузьмин Н.Н. Среднее и низшее сельскохозяйственное образование в дореволюционной России // Учёные записки Курганского госпединститута. Вып. 2. Курган, 1963. С. 15; РГИА, ф. 741, оп. 11, д. 72; ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 6086, л. 1–1 об., 95–95 об.

²³ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 236–239.

²⁴ См. Борьба за массы в трёх революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 109.

²⁵ Подробнее см.: Ватник Н.С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105; он же. «Школьный фактор» в самоубийствах учащихся Центральной России начала XX в. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2. С. 96–102.

Первая русская революция в освещении Санкт-Петербургского телеграфного агентства

Елена Кострикова

The first Russian revolution interpreted by St. Petersburg Telegraph Agency
Elena Kostrikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Революция развивалась на фоне очень сложной и неблагоприятной для Российской империи международной обстановки. Страна вела войну с Японией в условиях почти полной дипломатической изоляции, не имея реальной поддержки даже от союзной Франции. В то же время правящие круги всех великих держав внимательно следили за внутрисполитическим положением в России.